

DOI 10.15826/qr.2017.4.271
УДК 340.15+340.130.53(470)"1760"

**ТРАКТАТ *DE L'ESPRIT DES LOIS* Ш.-Л. МОНТЕСКЬЕ
И ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ЗАКОНЫ
В РОССИИ НАЧАЛА 1760-х гг.***

Михаил Киселев

Институт истории и археологии УрО РАН,
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**MONTESQUIEU'S TREATISE *DE L'ESPRIT DES LOIS*
AND FUNDAMENTAL LAWS IN RUSSIA
IN THE EARLY 1760s****

Mikhail Kiselev

Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

Relying on the method of the history of concepts, this paper considers how Montesquieu's treatise *The Spirit of the Laws* had come to be perceived in Russia by 1762, as well as the existence of the concept of "fundamental laws" in the Russian political lexicon. It is demonstrated that among the Russian ruling elite, *The Spirit of the Laws* had a number of followers, who, however, did not play a leading part in the domestic policy of Elizabethan Russia. By 1762, the treatise had limited circulation, but the fact that some people knew about its ideas did not mean their full and unconditional acceptance of it. Moreover, these ideas could be perceived very critically, as was demonstrated by F.H. Strube de Piermont, professor of the St Petersburg Academy of Sciences. For the Russian ruling elite,

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-31-00007. Благодарю В. С. Ржеуцкого и А. В. Келлера за помощь при подготовке статьи.

** Citation: Kiselev, M. (2017). Montesquieu's Treatise *De L'Esprit des Lois* and Fundamental Laws in Russia in the Early 1760s. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 4, p. 1131–1148. DOI 10.15826/qr.2017.4.271.

Цитирование: Kiselev M. Montesquieu's Treatise *De L'Esprit des Lois* and Fundamental Laws in Russia in the Early 1760s // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 4. P. 1131–1148. DOI 10.15826/qr.2017.4.271 / Киселев М. Трактат *De L'Esprit des Lois* Ш.-Л. Монтескье и фундаментальные законы в России начала 1760-х гг. // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 4. С. 1131–1148. DOI 10.15826/qr.2017.4.271.

The Spirit of the Laws was not the only work about fundamental laws. By the mid-18th century, discourses about such laws were available in the works of several European authors, including S. Pufendorf and F. Fenelon. In the works of such authors, a combination of fundamental laws with a monarchical form of government was associated with the idea of a contract between subjects and the monarch. According to the resources analysed, this understanding of the contractual nature of fundamental laws influenced the draft of the fundamental laws by I.I. Shuvalov (1760–1761) and the Manifesto on the Freedom of the Nobility by Peter III (1762). By the early 1760s, the concept of “fundamental laws” was an essential part of the political language of the Russian ruling elite, and it influenced the understanding of domestic policy and its goals. However, this was not due to the reception of Montesquieu’s ideas. At the same time, the reception and use by the ruling elite of concepts describing the form of government and the concept of “fundamental laws” laid the foundations for the perception of the ideas of *The Spirit of the Laws*. As a result, the main innovation of this treatise in Russia was not the use of the concept of “fundamental laws”, but its reinterpretation.

Keywords: history of concepts; fundamental laws; Ch.-L. Montesquieu; F.H. Strube de Piermont; I.I. Shuvalov.

В работе с использованием метода истории понятий рассматривается проблема проникновения и рецепции «Духа законов» Ш.-Л. Монтескье в России к 1762 г., а также проблема бытования понятия «фундаментальные законы» в российском политическом лексиконе к этому году. Показано, что среди представителей правящей элиты России к 1762 г. у «Духа законов» было некоторое количество поклонников, которые, однако, не играли ведущих ролей во внутренней политике елизаветинской России. К 1762 г. этот трактат имел ограниченное хождение, а сам факт знакомства читателя с его идеями отнюдь не означал их полного и безоговорочного принятия. Более того, эти идеи могли восприниматься весьма критично, как это было продемонстрировано профессором Петербургской академии наук Ф.Г. Штрубе де Пирмонтом. При этом для российской правящей элиты «Дух законов» не был единственным сочинением, из которого она могла узнать о фундаментальных законах. К середине XVIII в. сведения о них были доступны в работах целого ряда европейских авторов, включая сочинения С. Пуфендорфа и Ф. Фенелона. Сочетание фундаментальных законов с монархической формой правления в работах таких авторов отсылало прежде всего к идее своеобразного договора между подданными и монархом. Как показывает анализ источников, именно такое понимание договорного характера фундаментальных законов оказало влияние на проект фундаментальных законов И.И. Шувалова (1760–1761) и на Манифест о вольности дворянства Петра III (1762). В связи с этим можно утверждать, что к началу 1760-х гг. понятие «фундаментальные законы» стало неотъемлемой частью нормативного политического языка части представителей правящей элиты в России, и оно стало задавать формы и границы для проведения политики, а также выступать инструментом при достижении определен-

ных целей. Однако это по преимуществу не было связано с рецепцией идей Монтескье. В то же время усвоение и использование представителями правящей элиты как понятий, описывавших соответствующим образом формы правления, так и понятия «фундаментальные законы», подготовили почву для восприятия идей «Духа законов». При этом основным новаторством данного трактата в России окажется отнюдь не введение новых понятий в политический лексикон, а их переинтерпретация.

Ключевые слова: история понятий; фундаментальные законы; Ш.-Л. Монтескье; Ф. Г. Штрубе де Пирмонт; И. И. Шувалов.

В начале 1760-х гг. в России произошли важные события, связанные с изменением правового статуса монархии. В 1760–1761 гг. И. И. Шувалов по предписанию императрицы Елизаветы Петровны подготовил проект введения в России *фундаментальных законов*, а 18 февраля 1762 г. Петр III в Манифесте о вольности дворянства служить и не служить провозгласил этот акт фундаментальным законом империи.

В историографии такие изменения начала 1760-х гг. связываются с проникновением в Россию идей Ш.-Л. Монтескье, содержавшихся в его наиболее значимом произведении – трактате «О духе законов» (1748). Е. В. Анисимов, рассматривая политическую деятельность Шувалова, пришел к выводу, что «“фундаментальные и непрменные законы” Шувалова – это слепок с “основных законов” Монтескье, измененных применительно к условиям России» [Анисимов, с. 103]. Его наблюдения о влиянии «Духа законов» Монтескье на проект фундаментальных законов Шувалова были поддержаны рядом исследователей [Каменский, с. 203; Коршунова, с. 52–53; Андрияйнен, с. 96–98].

Концепцию о влиянии «Духа законов» как на представления, так и на политические действия российской правящей элиты середины XVIII в. развивает С. В. Польской. По его наблюдениям, «в середине XVIII в... идеи Монтескье захватывают умы русских государственных деятелей». Как результат, «идея монархии, ограниченной правами сословий, почерпнутая у Монтескье, оказала существенное влияние на политические взгляды дворянской элиты 1750–1760-х гг. Сначала И. И. Шувалов предлагает императрице Елизавете ограничить свою власть “фундаментальными законами”, затем Р. И. Воронцов пытается увековечить права “благородных” как фундаментальный “закон монархии” в Манифесте 18 февраля 1762 г.» [Польской, 2010, с. 244, 245].

Проблемность утверждений о влиянии на российскую правящую элиту на рубеже 1750–1760-х гг. «Духа законов» заключается в том, что они основываются по преимуществу на факте использования в проекте И. И. Шувалова, а также в Манифесте о вольности дворянства выражений *фундаментальные и непрменные законы* и *фундаментальное и непрменное правило* соответственно, которые напоминают о *фундаментальных законах* (*les loix fondamentales*) Монтескье. Однако при этом историки не смогли предложить ни убедительной картины про-

никновения текста «Духа законов» в Россию, ни анализа процесса восприятия идей данного трактата. В настоящей работе мы обратимся как к проблеме проникновения и адаптации идей «Духа законов» Монтескье в России к 1762 г., так и к проблеме бытования понятия *фундаментальные законы* в российском политическом лексиконе к этому году.

Прежде всего стоит задаться вопросом о путях, которыми текст «Духа законов» попадал в Россию. Обращение к истории книжной торговли позволяет привести следующие сведения. Первые экземпляры «Духа законов» попали в Россию на следующий год после публикации этого сочинения: в 1749 г. Петербургская академическая книжная лавка получила шесть экземпляров этого трактата. Затем в Московскую академическую книжную лавку в 1755 г. поступил один экземпляр трехтомного женеvского издания 1753 г. Реализовать этот трехтомник смогли только на третий год продажи. Для сравнения: с 1749 по 1760 г. в этой же лавке было продано 55 экземпляров «Путешествия Телемака» Ф. Фенелона на французском языке. Конечно, с такой популярностью «Путешествия» не могла соревноваться ни одна из французских книг, представленных в этой лавке. Тем не менее, факт продажи единственного экземпляра книги Монтескье на третий год поступления свидетельствовал, что она явно не пользовалась ажиотажным спросом. Кроме того, в 1761 г. в книжной лавке Московского университета продавалось собрание сочинений Монтескье 1759 г. в четырех томах, в состав которого входил и «Дух законов» [Копанев, 1988, с. 74; Копанев, 1986, с. 131, 152, 159, 95]. Таким образом, к настоящему времени достоверно известно, что в книжных лавках России с 1749 по 1761 г. было в продаже не менее восьми экземпляров данного трактата.

Читатель мог ознакомиться с «Духом законов», не прибегая к услугам книжных лавок в России. Так, 24 января 1760 г. 15-летний С. Р. Воронцов сообщал своему отцу Р. И. Воронцову, что доктор К. Г. Разумовского

...книги мне уступил, между которыми одна есть, которая в многих государствах запрещена. Титул ея «Esprit des loix». Тут все натуральные права изъяснены. Эта книга всякаго человека сделает просвещенным и обо всем генерально даст понятие; в Петербурге ее достать не можно, разве что есть у дядюшки Михаила Ларионовича да у Ивана Иваныча. Я бы очень желал, чтоб она была переведена на наш язык и чтоб вы могли ее прочесть [Архив, с. 15].

Р. И. Воронцов смог выполнить рекомендацию сына, взяв эту книгу в библиотеке А. С. Строганова. Последний, скорее всего, приобрел ее во время своего образовательного европейского путешествия. Точную дату, когда она попала к Воронцовым, назвать сложно. Можно только с уверенностью сказать, что это было в промежутке с 1760 по 1764 г. [Сомов, 2002, с. 203–205, 214, 221].

Помимо большого впечатления, произведенного трактатом Монтескье на С. Р. Воронцова, в этой истории обращает на себя внимание следующее: он до знакомства с доктором К. Г. Разумовского ничего не знал о «Духе законов». Не менее показательно его умозаключение, что эту книгу в Петербурге «достать не можно». Конечно, он указал на библиотеки своего дяди М. И. Воронцова и И. И. Шувалова. Однако он это сделал не потому, что знал о ее точном нахождении там, а по той причине, что они имели репутацию людей, регулярно закупавших европейские книжные новинки. Факт, что Р. И. Воронцов прибегнул к услугам библиотеки А. С. Строганова, дабы достать эту книгу, может свидетельствовать, что ее все же не оказалось у М. И. Воронцова и И. И. Шувалова. Так, к настоящему времени отсутствуют какие-либо сведения, что «Дух законов» находился среди книг Шувалова, хотя он и должен был слышать об авторе книги. По крайней мере, в журнале «*Le Caméléon littéraire*», издававшемся на французском языке в Петербурге секретарем Шувалова Т.-А. де Чуди, в 1755 г. было опубликовано произведение, написанное в связи со смертью Монтескье, где оплакивался безвременный уход «самого великого из людей» и «друга человечества» [Turben].

Доктором, который познакомил С. Р. Воронцова с «Духом законов», был не кто иной, как Н.-Г. Леклерк, будущий автор «Истории древней и новой России». Он прибыл в Россию в 1759 г. и в декабре 1760 г. находился в качестве врача при К. Г. Разумовском [Сомов, 1983, с. 97]. В связи с этим упомянем также известного авантюриста Ш. д'Эона, который воспользовался «Духом законов», чтобы в его переплете перевезти для Елизаветы Петровны личное послание от Людовика XV [Строев, с. 111]. Итак, некоторые иностранцы, оказавшиеся в России, были еще одним каналом, с помощью которого «Дух законов» мог попасть в Россию. Таким образом, к началу 1760-х гг. трактат «О духе законов» имел некоторое хождение в России. По крайней мере, на ее территории было не менее десятка его экземпляров. Однако это не позволяет утверждать, что чтение трактата стало популярным среди правящей элиты. При этом сам факт нахождения «Духа законов» в библиотеке автоматически отнюдь не превращал его обладателя в сторонника идей Монтескье. Для этого книгу следовало не просто прочитать, а и соответствующим образом проинтерпретировать.

Сведений о том, кто и, главное, как читал «Дух законов» в России в 1748–1762 гг., не столь много. Известно, что к 1762 г. «Дух законов» был прочтен великой княгиней Екатериной Алексеевной. Именно она своим «Наказом» впоследствии придаст в глазах как современников, так и потомков большую значимость трудам Монтескье в России. По ее воспоминаниям, в конце 1754 г. она «прочла... столько русских книг, сколько могла достать», после чего «напала на „Дух законов“ Монтескье». Также сохранились датированные 1762 г. выписки Екатерины о Монтескье. Правда, они были сделаны не непосредственно из сочинений Монтескье, а из работ Ж.-Л. д'Аламбера, в которых

содержались и высказывания об авторе «Духа законов». Упомянем и собственноручные комментарии Екатерины на полях книжки «Lettres Russiennes», изданной в 1760 г., где она называла Монтескье «великим человеком» [Екатерина II, с. 366, 620–623, 676]. Однако на основании таких выписок и заметок весьма не просто ответить на вопрос, какие именно мысли Монтескье в то время привлекали ее. Так, в них не было ничего о фундаментальных законах.

Другим высокопоставленным поклонником «Духа законов» к 1762 г. был воспитатель наследника великого князя Павла Петровича Н. И. Панин. По крайней мере, это можно утверждать, принимая во внимание его деятельность в царствование Екатерины II [Бугров]. Однако, скорее всего, Панин стал поклонником Монтескье отнюдь не во время своего пребывания России, а будучи с 1747 по 1760 г. русским послом в Швеции, так что его пример едва ли был типичным для Петербурга начала 1760-х гг.

Упомянем и М. М. Щербатова, неутомимого автора и переводчика XVIII в. Среди его рукописей сохранился датированный 1759 г. перевод 13-й главы из 25-й книги «Духа законов», озаглавленный «Нижайшее представление инквизиторам Гишпани и Португалии» [ОР РНБ. Ф. 885. Эрм. 228. С. 59–64]. Кроме того, он примерно в 1760 г. написал на французском языке трактат «Réflexions Diverses sur le Gouvernement», в русском переводе – «Разные рассуждения о правлении». По мнению З. П. Рустам-Заде, эти *рассуждения* «были созданы в результате непосредственного знакомства с “Духом законов” Монтескье, во многом повторяли формулировки французского просветителя». В то же время историк отмечала, что Щербатов, например, в отличие от Монтескье, выделял не три рода (формы) правления – *монархическое, республиканское и деспотическое*, а четыре: «*монархическое, деспотическое или самовластное, аристократическое и демократическое, или народное* (курсив автора. – М. К.)» [Рустам-Заде, с. 54–55]. На первый взгляд, такая щербатовская классификация не принципиально отличалась от классификации Монтескье, так как последний, говоря о *республике*, выделял как *демократию*, так и *аристократию*. Однако, рассуждая о *началах* для разных форм правления, Монтескье полагал, что для *республик*, как *демократических*, так и *аристократических*, таким началом является *добродетель*. При этом *добродетель* при *аристократии*, в отличие от *демократии*, «не так строго взыскивается» [Монтескье, с. 16, 44]. Щербатов, похоже, не испытывал каких-либо симпатий к демократии, в связи с чем заявлял, что люди «во аристократии горды и тверды, в демократии смутнолюбивы и увертчивы». Итак, он отказывал в добродетельности людям в демократии, таким образом фактически отрицая наличие общего начала для этих двух форм правления. Кроме того, при описании монархического правления Щербатов ничего не написал ни о принципиально важных для Монтескье «властях посредствующих подчиненных и зависящих», ни о роли дворянства, ни о фундаментальных законах.

Вместо этого он утверждал, что монарху следует подбирать хороших советников [Щербатов, стлб. 346, 337–338]. В связи с этим стоит говорить, что влияние «Духа законов» на рассуждения Щербатова в начале 1760-х гг. было весьма умеренным. При этом следует помнить, что он к 1762 г. был обладателем не самого значимого в столице чина капитана-поручика Семеновского полка.

Таким образом, хотя среди представителей правящей элиты к 1762 г. у «Духа законов» было некоторое количество читателей, однако их понимание и восприятие идей Монтескье явно было неодинаковым. Кроме того, далеко не все из них играли ведущие роли во внутренней политике елизаветинской России. Для великой княгини Екатерины Алексеевны, Н. И. Панина и М. М. Шувалова звездный час наступит уже после свержения Петра III.

Кроме того, необходимо привести следующий факт о влиянии трактата «О духе законов» Монтескье на столичную интеллектуальную атмосферу. В 1761 г. в мартовском номере «Сочинений и переводов, к пользе и увеселению служащих» было опубликовано сочинение «Перевод с немецкаго перваго разговору, между юношею Российским, старающемся подражать людям и поведением Французским, и между некоторым приежжим, остроумным и ученым Швейцаром. Сочинение славнаго господина Галлера, напечатанное в месячном Мартовском журнале 1760 году, в городе Берне», где от имени некоего швейцарца подвергалась критике мода на подражание французской культуре. При этом швейцарец заявлял следующее:

Великий Монтеские довольно доказал в книге своей, что воспитание и климат могут почитаться второю натурою. Некоторые из ученых людей его в том только опровергают, что он лишнее участие приписал климату. Впрочем, *Esprit des loix* почитается в числе тех книг, которыя много чести делают превозходству человеческого разума. Можно бы желать, что бы, как Государи, так и Министры их, чаще оную читали.

Показательно, что в ответ на это утверждение он получил от русского юноши-галломана такой вопрос: «Из которого народа был помянутой вами Монтеские, и переведена ли книга его на Французской язык?» [Перевод, с. 247–248].

Говоря об этой публикации, важно указать на наблюдения П. Древа-са, согласно которым в 1760 г. в Берне не издавалось никакого «Мартовского журнала», а среди сочинений А. Галлера не было такого диалога между русским и швейцарцем [Drews, s. 234]. Похоже, что это был не перевод, а оригинальное сочинение русского автора. Если учесть, что И. И. Шувалов имел репутацию одного из главных столичных франкофилов [Берков, с. 118–119], становится понятна логика такой мистификации: она должна была уберечь настоящего автора от возможного гнева фаворита императрицы. Получалось, что в 1761 г. на страницах столичного журнала в России фактически рекламировался трактат

«О духе законов», хотя автор такой рекламы предпочел скрыть как свое имя, так и то, что это было сочинение именно русского автора.

В связи с этим важно понимать, что помимо поклонников «Духа законов», в России среди его читателей были и критики, одним из которых являлся Ф. Г. Штрубе де Пирмонт, профессор Академического университета и член Уложенной комиссии. Он 6 сентября 1756 г. в публичном собрании Петербургской академии наук произнес «Discours l'origine et les changemens des loix Russiennes». В русском переводе этой речи читатель мог обнаружить следующие слова:

Думал я последовать некоторым писателям, упомянувшим о законах Российской империи. Но тот час увидел, что они сами, не имея об них довольного понятия, не могли описать их ясно, по чему и подражания недостойны.

В примечании к этому утверждению отмечалось:

Я буду доволен, есть ли сообщу здесь один пример, котораго никто не уповал бы найти в столь славном писателе, как господин Монтескиу.

Далее была приведена цитата из 14-й главы 22-й книги «Духа законов» о российских законах о торговле, которая позволяла автору сделать следующий вывод:

Видно, что сей писатель мало имел попечения в приобретении себе знания о коммерции и законах сей империи [Штрубе, 1756, с. 2].

Итак, хотя профессор и назвал Монтескье «славыным писателем», он полемизировал с ним, а не соглашался.

В 1760 г. на французском языке в Петербурге были напечатаны анонимные «Lettres Russiennes», автором которых был также Штрубе. В 1761 г. был создан их рукописный перевод. Трактат был целиком посвящен полемике с «Духом законов» Монтескье по проблеме сущности деспотизма. Штрубе подвергал критике классификацию форм правления по Монтескье. Последний утверждал, что

...на свете... три рода правительства – республиканское, монархическое и деспотственное... В республиканском правительстве весь народ или часть онаго имеет полную власть, в монархическом владении единый монарх по уставам и вечным законам (*des loix fixes & établies*) правительствует, а в деспотственном правительстве один самовладелец без правил и законов все по собственной воле и по одному своенравству делает.

Критикуя Монтескье, Штрубе писал, что сущность *деспотства* – это «правительство, из рабов состоящего государства, вместо настоящих и подлинных граждан». Там, где были *граждане*, обладавшие соответ-

ствующими правами, по Штрубе, существовало *гражданское правление* (l'Etat civil). Согласно Штрубе, Монтескье при описании *деспотства*

...четыре весьма различных способа к правлению в одно место смешал: подлинное деспотство (le veritable Despotisme), монархию самовластную (la Monarchie absolue), насильственное правление (le Gouvernement tyranannique) и варварское, то есть непорядочное правительство (irrégulier) [Штрубе, 2016, с. 368, 363, 364; Strube, p. 106–107, 88–89, 91].

По Штрубе, *деспотство* обладало некоторыми схожими чертами с другими формами правления, включая и *гражданское правление*, разновидностью которого была *самовластная монархия*. Именно с последней особенно было схоже *деспотство*, так как в ней

...власть самодержца, или самовластного монарха (Souverain, qui en est le Chef), никакими политическими или гражданскими законами не определена и им отнюдь не подвержена. Деспот и самовластной монарх (le Monarque absolu), кроме того, правила и предела воле своей не имеют, что закон Божий и свет собственного разума им предписывает [Штрубе, 2016, с. 364; Strube, p. 93–94].

Однако он указывал, что существует и принципиальное различие между *деспотством* и *гражданским правлением*:

Деспота, невзирая на общую пользу, велит себе во всем том повиноваться, что до него собственно и до персональных его интересов касается.

В то же время главе *гражданского правления* (Le Chef d'un Etat civil), включая и *самовластного монарха*, «покоренные народы во всем том праведно повинуются, что к общей пользе (bien public) касаться может» [Штрубе, 2016, с. 365; Strube, p. 95–96].

Соответствующим образом Штрубе подходил к вопросу о необходимости для монархии фундаментальных законов. Он утверждал, что ни одна из форм правления не может обойтись без правил и законов как таковых. Однако «в том необходимой нужды нет, чтоб законы... вечныя и постоянныя были (fixes & établies)». Штрубе полагал, что такие законы не только мешали бы власти творить зло, а и служили бы помехой для правителя, желавшего блага подданным [Штрубе, 2016, с. 368, 371; Strube, p. 110, 120].

Основываясь на таком подходе к формам правления, Штрубе доказывал, что в России было отнюдь не *деспотство*, как это утверждалось в «Духе законов» Монтескье, а *гражданское правление*, где по законам «к общему благу» монарх управляет гражданами, обладающими соответствующими правами и привилегиями, и где «народы подлинною гражданскою свободою наслаждаются». При этом гражданское правление в России было *самовластной монархией*, так как

«таких законов и договоров отнюдь там нет, кои бы высокую волю, власть и силу монаршу по делам правления его в границы или пределы привести могли» [Штрубе, 2016, с. 389].

Итак, хотя Штрубе и утверждал, что в России отсутствовали фундаментальные законы, он не видел в них необходимости. Равным образом он не видел в факте отсутствия таких законов основания отнесения России к государствам с деспотической формой правления. Для него более принципиальной категорией было *общее благо*, следование которому правителем имело гораздо большее значение для государства, чем наличие в нем фундаментальных законов.

Такие утверждения Штрубе до определенной степени следовали логике рассуждений европейских правоведов XVII–XVIII вв., включая знаменитого С. Пуфендорфа. Последний в трактате 1675 г. «De officio hominis et civis», опубликованном в России в 1726 г. под заглавием «О должности человека и гражданина», поместил следующие рассуждения о власти правителей:

Высочайшее повелительство, в Монархиях наипаче... инде есть совершенное (абсолютное), а инде ограниченное. Совершенное повелительство оный монарх имеет, который по своему разсуждению собственно оное управлять может, не по правилу неких известных и всегдашних уложений (*certaines Régies fixes & perpétuelles*): но как настоящих вещей случаи требует. И который весьма по собственному своему изволению, о целости общества, как тогдашние времена требуют попечение иметь [Пуфендорф, 436; Pufendorf, p. 300].

Помимо прочего, «законом основательным, или обыкновением, в народе воспринятым (*les Loix Fondamentales ou la Coûtume établie*)», мог регулироваться вопрос престолонаследия [Пуфендорф, с. 438–439]. Далее, говоря о должности правителей в целом, Пуфендорф указывал, что для них «общий закон... есть: целость народа (*bien public*) высочайший закон есть». Соответственно, им «ничтоже собственно надлежит им делать, что не есть в пользу всему граду (*l'Etat*)» [Пуфендорф, с. 452, 453; Pufendorf, p. 310]. Итак, главное для правителя – это следование *общему благу*, для чего наличие фундаментальных законов отнюдь не было обязательным.

Таким образом, само понятие *фундаментальные законы* было связано не только с Монтескье и не принадлежало исключительно его политическому лексикону. Он предложил лишь один из вариантов понимания данного концепта и его соотношения с классификацией форм правления. В то же время представитель российской правящей элиты середины XVIII в. мог почерпнуть сведения о фундаментальных законах из работ других европейских авторов. Значит, при анализе политических текстов необходимо принимать во внимание, что сам факт использования понятия «фундаментальные законы» отнюдь не указывал на влияние «Духа законов». Соответственно, упоминание И. И. Шува-

ловым фундаментальных законов не может быть доказательством того, что он составил проект, исходя из идей Монтескье. И, чтобы понять, какой логикой руководствовался Шувалов при составлении проекта, необходимо обратиться непосредственно к самому проекту.

Этот проект, созданный между ноябрем 1760 г. и апрелем 1761 г., был помещен в записке, которая предназначалась только для глаз императрицы. Немаловажно и то, что Шувалов писал, что инициатива создания фундаментальных законов исходила от самой Елизаветы Петровны. Принимая во внимание, что она «была хорошо образованным человеком» [Копанев, 1990, с. 111], можно с полным основанием утверждать, что идея введения в России фундаментальных законов вполне соответствовала интеллектуальному кругозору императрицы.

Шувалов, обращаясь к Елизавете Петровне, напоминал о ее желании, чтобы «при исправлении законов постановить некоторые фундаментальные, которых самая польза, благополучие вашего императорского подданных неперменными делают». По Шувалову, императрица, «почитая за первый долг пред Богом и за главное... изыскать способы к блаженству и благополучию... народа», решила «установить фундаментальные и неперменные законы в его (народа! – М. К.) пользу при исправлении нынешних законов, утвердить и открыть путь к общему благосостоянию». Сам он полагал, что подданные в ответ на такие законы

...усугубят свои услуги любезному отечеству, пребудут с равною, неперменною верностию и усердием как вашему императорскому величеству, так и по воле вашей нареченному наследнику, вашему любезному племяннику и всему дому государя Петра Великого.

Принятые законы должны были быть утверждены неким подобием взаимной клятвы:

В. И. В. изволите уверять и обещать пред Богом как за себя, так и за наследников своих следующие законы, свято, ненарушимо сохранять и содержать и повелеть всем верноподданным... во всяких случаях наблюдать их непоколебимость и ненарушение и в сем указать учинить присягу [Бумаги, стлб. 83–84].

Как справедливо отмечает С. В. Польской, здесь шла речь «о клятве ограниченного монарха, о которой говорили все юристы эпохи от Пуфендорфа до Ваттеля» [Польской, 2012, с. 124].

Если обратиться к концепции «Духа законов» Монтескье, то можно с полной уверенностью утверждать, что шуваловская логика противоречила ей. Монтескье, рассуждая о фундаментальных законах, делал акцент на их соответствии природе той или иной формы правления, а не на договорной сущности таких законов [Монтескье, с. 14–15]. В то же время Шувалов во вводной части фактически следовал логике

перехода от абсолютной монархии к ограниченной монархии, для чего надлежало установить фундаментальные законы в результате своеобразного договора между правителем и народом.

Обратимся к нормативной части проекта. Из 17 пунктов первые четыре касались статуса православия в империи. Так, по первому следовало «утвердить самодержавную власть и присягою, дабы все государи Российского престола, и жены их, и дети, и мужеск и женск пол, были Греческого православного закона». Второй провозглашал, что «все Россияне в одном законе постоянно, навсегда предбудут», третий гарантировал «права по законам... Петра Великого» церквям, монастырям и духовенству, а четвертый – существование Синода «по узаконениям... Петра Великого» [Бумаги, стлб. 84].

Пункты с 5-го по 12-й были посвящены государственной службе. Пятый устанавливал существование Сената в определенном количестве членов, каждый из которых должен был быть «Российский подданный и Греческого закона», шестой и седьмой – трех фельдмаршалов и трех адмиралов, при этом по одному из них мог быть иностранец. В то же время 8-й пункт устанавливал, что «всем президентам, губернаторам» следует «быть здешним подданным». По 9-му пункту, гвардейские полки должны состоять только из российских подданных, из которых 3/4 должны составлять русские, а четверть – братья из «Лифляндцев, Эстонцов и прочих завоеванных провинций». В схожих пропорциях по 10-му и 11-му пунктам следовало комплектовать генеральский и офицерский корпуса. Уже эти пункты допускали, что в «нерусские» четвертые части могут зачисляться и иностранцы. При этом 12-й пункт указывал, что «Лифляндцы и Эстляндцы имеют преимущество при вступлении в службу пред иностранными» [Бумаги, стлб. 84–85].

Дворянству было посвящено только три пункта (с 13-го по 15-й). Два первых предусматривали для него весьма специфические привилегии: в случае осуждения дворянина у последнего конфисковывалось только «собственно нажитое собою имение, а не родовое», а сам он освобождался от «безчестной политической казни». 15-й пункт также давал послабление дворянам, ограничивая их обязательную службу 26 годами. Однако этот пункт одновременно фактически закреплял для дворян такую обязательную службу в качестве неотъемлемой части их статуса на вечное время. 16-й предписывал «отставных солдат всех по инвалидным по своим дачам распределять без всякого замедления». Последний пункт – нумерованный – указывал «о купцах и крестьянах сделать рассмотрение и стараться их состояние сделать полезнейшим отечеству и им самим» [Бумаги, стлб. 85].

Нормативные пункты шуваловских фундаментальных законов явно противоречили «Духу законов», где утверждалось, что

...власти посредствующия подчиненныя и зависящия составляют естество самодержавного правления; то есть того, где один управляет по законам принятым за основание.

Для действенности фундаментальных законов «необходимо принадлежат посредствующие пути, по которым действует власть». По мнению Монтескье, «власть посредствующая подчиненная сходственнейшая с естеством (монархии. – М. К.) есть дворянство». В связи с этим он замечал:

Иные воображали... что бы уничтожить все суды больших господ... Пусть в самодержавии уничтожатся преимущества знатных господ, духовенства, дворянства и городов: то тотчас учинится держава народною, или самовластною (деспотией. – М. К.) [Монтескье, с. 31–32].

Однако у Шувалова закрепление преимуществ дворян, весьма умеренных по своему содержанию, находилось явно не на первом месте. Главным оказывалось обеспечение гарантий для православия, а также господствующего положения российских подданных в управлении.

В связи с этим следует учесть, что конце царствования Елизаветы Петровны весьма остро стоял вопрос о престолонаследии и о том, как будет править великий князь Петр Федорович, став императором [Мыльников, с. 150–169]. С учетом этого вновь обратимся к вводной части проекта. В ней, когда речь шла о верности народа, последняя предназначалась не династии Романовых, а дому Петра Великого. Такая формулировка, скорее всего, была направлена против потомков брата Петра I Ивана (Анны Леопольдовны и ее детей).

Логично предположить, что Елизавета Петровна думала о создании дополнительных гарантий благополучного воцарения наследника из дома Петра Великого посредством своеобразного договора с народом об установлении фундаментальных законов во имя общего блага. Именно этому должны были способствовать и послабления, даруемые дворянам, а также обещание заботы об «отставных солдатах» и «о купцах и крестьянах». В то же время закрепление роли православия вкупе с ограничением роли иностранцев в управлении должно было сдерживать действия Петра Федоровича как в религиозной сфере, так и в продвижении им выходцев из немецких земель и не допустить возникновения почвы для возможного недовольства среди российских подданных.

Проект фундаментальных законов так и не был утвержден. Однако в 1762 г. Россия все же получила свой первый официальный фундаментальный закон. В Манифесте о вольности дворянства служить и не служить, подписанном Петром III 18 февраля 1762 г., провозглашалось:

Сие Наше Всемилостивейшее учреждение всему благородному Дворянству на вечныя времена фундаментальным и неперменным правилом узаконяем; то в заключение сего Мы Нашим Императорским словом на торжественнейшим образом утверждаем, на всегда сие свято и ненарушимо содержать в постановленной силе и преимуществах, и нижепос-

ледующие по Нас законные Наши Наследники в отмену сего в чем-либо поступить могут, ибо сего Нашего узаконения будет им непоколебимым утверждением Самодержавнаго Всероссийскаго Престола.

При этом император выражал надежду, что российское дворянство, «чувствуя толикия Наши к ним и потомкам их щедроты», будет поступать на службу «с ревностью и желанием... и честным и незазорным образом оную по крайней возможности продолжать» [ПСЗ-1. Т. 15. № 11444. С. 914–915]. Данные утверждения вполне вписывались в договорную логику введения фундаментальных законов, которая была и в шуваловском проекте. В связи с этим следует заметить, что Шувалов оказал непосредственное влияние на подготовку текста Манифеста о вольности дворянства [Киселев, 2016].

Царствование Петра III продемонстрировало, что дарование фундаментального закона, в котором закреплялись дворянские привилегии, не смогло предотвратить свержения монарха. Тем не менее, как показала история последующих царствований – Екатерины II, Павла I и Александра I, это было только отправной точкой в истории фундаментальных законов Российской империи, наиболее важными из которых стали Жалованная грамота дворянству 1785 г., Акт о престолонаследии 1797 г. и подтверждение Жалованной грамоты дворянству 1801 г. Россия с 1762 г. постепенно превращалась из монархии, управляемой только волей императора, в монархию, где управление основывалось на фундаментальных законах. Немалую роль в этом процессе при Екатерине II сыграл трактат Ш.-Л. Монтескье «О духе законов». Однако до ее воцарения едва ли можно говорить о господстве идей из «Духа законов» среди российской правящей элиты. В то же время представления о монархии, где правление осуществляется на основе фундаментальных законов, оказались доступными в России в работах европейских авторов, которые стали попадать сюда и распространяться еще в первой половине XVIII в. При этом сочетание фундаментальных законов с монархической формой правления отсылало прежде всего к идее своеобразного договора между подданными и монархом. Как показывает и проект фундаментальных законов И.И. Шувалова, и Манифест о вольности дворянства Петра III, их авторы руководствовались схожим пониманием о договорном характере фундаментальных законов. Кроме того, использование представителями правящей элиты как понятий, описывавших формы правления (монархия, аристократия), так и понятия «фундаментальные законы», подготавливало почву для восприятия идей «Духа законов». Основным новаторством этого трактата было не введение новых понятий в политический лексикон, а их переинтерпретация. Вместо представлений о договорной природе фундаментальных законов, характерных прежде всего для ограниченных монархий, помимо которых существовали и абсолютные монархии, которые, несмотря на отсутствие таких законов, не являлись деспотиями, трактат Мон-

тескье формировал представления, согласно которым в настоящей монархии должны быть фундаментальные законы определенного свойства, без которых монархия не была бы монархией. Соответственно, вместо логики возможного договора с подданными начинала работать логика соответствия обязательным свойствам монархии.

Итак, можно утверждать, что к началу 1760-х гг. понятие «фундаментальные законы» стало неотъемлемой частью нормативного политического языка части представителей правящей элиты в России, и, как результат, оно стало задавать как формы и границы для проведения политики, так и выступать инструментом при достижении определенных целей. Под влиянием такого изменения в политическом лексиконе Елизавета Петровна хотела принять фундаментальные законы, а Петр III, Екатерина II, Павел I и Александр I сделали это. Тракат «О духе законов» Монтескье был только частью данного процесса, хоть и оказавшей немаловажное влияние. В связи с этим необходимо сделать следующее замечание: прежде чем вести речь о влиянии сочинений того или иного автора, необходимо поместить его в более широкий контекст представлений и понятий, с которыми жили и которыми оперировали его современники.

Список литературы

- Андриайнен С. В.* Империя проектов: государственная деятельность П. И. Шувалова. СПб. : Изд-во СПбГУ ЭФ, 2011. 239 с.
- Анисимов Е. В.* И. И. Шувалов – деятель российского просвещения // *Вопр. истории.* 1985. № 7. С. 94–104.
- Архив князя Воронцова : в 40 кн. М. : Тип. П. Лебедева, 1880. Кн. 16. 546 с.
- Берков П. Н.* Ломоносов и литературная полемика его времени: 1750–1765. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1936. 224 с.
- Бугров К. Д.* «Дискурс Монтескье»: роль интеллектуальных заимствований в политических проектах Н. И. Панина // *Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2. Гуманитарные науки.* 2009. № 4 (66). С. 32–43.
- Бумаги И. И. Шувалова // *Рус. архив.* 1867. № 1. Стлб. 65–97.
- Екатерина II.* Записки. СПб. : А. С. Суворин, 1907. VIII + 743 с.
- Каменский А. Б.* Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. М. : Новое лит. обозрение, 1999. 328 с.
- Киселев М. А.* И. И. Шувалов и Манифест о вольности дворянства 1762 г. // *Вопр. истории.* 2016. № 3. С. 131–143.
- Копанев Н. А.* Книги императрицы Елизаветы Петровны // *Книга в России XVI – середины XIX в. : Материалы и исследования.* Л. : БАН СССР, 1990. С. 109–118.
- Копанев Н. А.* Распространение французской книги в Москве в середине XVIII в. // *Французская книга в России в XVIII в. : Очерки истории / под ред. С. П. Луппова.* Л. : Наука, 1986. С. 59–172.
- Копанев Н. А.* Французская книга и русская культура в середине XVIII в. : (Из истории международной книготорговли). Л. : Наука, 1988. 156 с.
- Монтескье Ш.-Л.* О разуме законов. Т. 1. СПб. : Императ. акад. наук, 1775. XXXIV + 424 с.
- Мыльников А. С.* «Он не похож был на государя...» : Петр III. Повествование в документах и версиях. СПб. : Лениздат, 2001. 670 с.
- ОР РНБ. Ф. 885. Эрм. 228.

Перевод с немецкого первого разговору, между юношею Российским, старающимся подражать людям и поведением Французским, и между некоторым приежжим, остроумным и ученым Швейцаром // Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащая. 1761. Март. С. 245–253.

Польской С. В. Конституция и фундаментальные законы в русском политическом дискурсе XVIII века // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода: в 2 т. / под ред. А. Миллера, Д. Сдвижкова, И. Ширле. М.: Новое лит. обозрение, 2012. Т. 1. С. 94–150.

Польской С. В. Между «самодержавием» и «самовластием»: «монаршическое правление» в русском политическом лексиконе XVIII в. // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 11. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. С. 240–252.

ПСЗ. 1-е изд. Т. 15. С 1758 по 28 Июня 1762. СПб.: Тип. 2-го Отд. Собств. Его Имп. Вел-ва Канцелярии, 1830. 1050 с.

Пуфендорф С. О должности человека и гражданина по закону естественному. СПб.: Санкт-Петерб. тип., 1726. 537 с.

Рустам-Заде З. П. Жизнь и творчество М. М. Щербатова. СПб.: Лейла, 2000. 92 с.

Сомов В. А. Круг чтения петербургского общества в начале 1760-х годов (из истории библиотеки графа А. С. Строганова) // XVIII век. Сб. 22. СПб.: Наука, 2002. С. 200–234.

Сомов В. А. Н.-Г. Леклерк и М. В. Ломоносов // Ломоносов: сб. ст. и материалов. Т. 8. Л.: Наука, 1983. С. 97–105.

Строев А. Ф. «Те, кто поправляет фортуна»: Авантюристы Просвещения. М.: Новое лит. обозрение, 1998. 400 с.

Штрубе де Пирмонт Ф. Г. Российския (или Руские) письма: На французском изданы 1760, а со оного на российской язык переведены 1761 года // Бугров К. Д., Киселев М. А. Естественное право и добродетель: Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та; Университет. изд-во, 2016. С. 342–408.

Штрубе де Пирмонт Ф. Г. Слово о начале и переменах российских законов. СПб.: Императ. акад. наук, 1756. 34 с.

Щербатов М. М. Сочинения: в 2 т. СПб.: Тов-во «Печатня С. П. Яковлева», 1896–1898. Т. 1. Политическая сочинения. 1896. 1060 стр.

Drews P. Deutsch-slavische Literaturbeziehungen im 18. Jahrhundert. München: Verlag Otto Sagner, 1996. 430 S.

Pufendorf S. Les devoirs de l'homme et du citoyen, tels qu'ils lui sont prescrits par la loi naturelle. Amsterdam: H. Schelte, 1707. XL + 384 p.

[Strube de Piermont F. H.]. Lettres Russiennes [Saint-Petersbourg: De l'Imprimerie de l'Académie Impériale des sciences], 1760. 270 p.

Turben [F.]. Sur la mort de Monsieur le President de Montesquieu // Le Caméléon littéraire. 1755. T. 4. P. 875–881.

References

Andriainen, S. V. (2011). *Imperiya proektov: gosudarstvennaya deyatel'nost' P. I. Shuvalova* [An Empire of Projects: The State Activity of P. I. Shuvalov]. St Petersburg, Izdatel'stvo ekonomicheskogo fakul'teta SPbGU. 239 p.

Anisimov, E. V. (1985). I. I. Shuvalov – deyatel' rossiiskogo prosveshcheniya [I. I. Shuvalov – A Figure of the Russian Enlightenment]. In *Voprosy istorii*. No. 7, pp. 94–104.

Arkhip knyazyza Vorontsova v 40 kn. [Archive of Prince Vorontsov. 40 vols.]. (1880). Vol. 16. Moscow, Tipografiya P. Lebedeva. 546 p.

Berkov, P. N. (1936). *Lomonosov i literaturnaya polemika ego vremeni: 1750–1765* [Lomonosov and the Literary Polemics of his Time: 1750–1765]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR. 224 p.

Bugrov, K. D. (2009). “Diskurs Montesk’e”: rol’ intellektual’nykh zaïmstvovaniï v politicheskikh proektakh N.I. Panina [“Montesquieu Discourse”: On the Role of Intellectual Borrowings in N.I. Panin’s Political Projects]. In *Izvestiya Ural’skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki*. No. 4 (66), pp. 32–43.

Bumagi I.I. Shuvalova [Papers of I.I. Shuvalov]. (1867). In *Russkii arkhiv*. No. 1, pp. 65–97.

Drews, P. (1996). *Deutsch-slavische Literaturbeziehungen im 18. Jahrhundert*. München, Verlag Otto Sagner. 430 p.

Ekaterina II. (1907). *Zapiski* [Memoirs]. St Petersburg, A. S. Suvorin. VIII + 743 p.

Kamensky, A. B. (1999). *Rossiiskaya imperiya v XVIII veke: traditsii i modernizatsiya* [The Russian Empire in the 18th Century: Traditions and Modernisation]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 328 p.

Kiselev, M. A. (2016). I.I. Shuvalov i Manifest o vol’nosti dvoryanstva 1762 g. [I.I. Shuvalov and the Manifesto on the Freedom of the Nobility of 1762]. In *Voprosy istorii*. No. 3, pp. 131–143.

Kopanev, N. A. (1986). Rasprostranenie frantsuzskoi knigi v Moskve v seredine XVIII v. [The Circulation of French Books in Moscow in the mid-18th Century]. In Luppov, S. P. (Ed.). *Frantsuzskaya kniga v Rossii v XVIII v. Ocherki istorii*. Leningrad, Nauka, pp. 59–172.

Kopanev, N. A. (1988). *Frantsuzskaya kniga i russkaya kul’tura v seredine XVIII v. (Iz istorii mezhdunarodnoi knigotorgovli)* [French Books and Russian Culture in the mid-18th Century. (From the History of International Bookselling)]. Leningrad, Nauka, 1988. 156 p.

Kopanev, N. A. (1990). Knigi imperatritsy Elizavety Petrovny [The Books of Empress Elizaveta Petrovna]. In *Kniga v Rossii XVI – serediny XIX v. Materialy i issledovaniya*. Leningrad, BAN SSSR, pp. 109–118.

Montesquieu, Ch.-L. (1775). *O razume zakonov* [The Spirit of the Laws]. Vol. 1. St Petersburg, Imperatorskaya akademiya nauk. XXXIV + 424 p.

Myl’nikov, A. S. (2001). ‘On ne pokhozh byl na gosudarya...’: Petr III. Povestvovanie v dokumentakh i versiyakh [‘He Was Not Like a Sovereign ...’: Peter III. Narration in Documents and Versions]. St Petersburg, Lenizdat. 670 p.

OR RNB [Department of Manuscripts of the Russian National Library]. Stock 885. Dos. Erm. 228.

Perevod s nemetskago pervago razgovoru, mezhdû yunosheyu Rossiiskim, starayushchemsya podrazhat’ lyudyam i povedeniyam Frantsusskim, i mezhdû nekotorym priezhzhim, ostroumnym i uchenym Shveitsarom [Translation from German of the First Dialogue between a Russian Young Man, Trying to Imitate the French and their Behavior, and a Visiting, Witty and Learned Swiss]. (1761). In *Sochineniya i perevody, k pol’ze i uveseleniyu sluzhashchiya*. Mart, pp. 245–253.

Pol’skoi, S. V. (2010). Mezhdû “samoderzhaviem” i “samovlastiem”: “monarshicheskoe pravlenie” v russkom politicheskom leksikone XVIII v. [Between “Autocracy” and “Despotism”: “Monarchic Rule” in the Russian Political Vocabulary of the 18th Century]. In *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost’*. Vol. 11. Yekaterinburg, Izdatel’stvo Ural’skogo universiteta, pp. 240–252.

Pol’skoi, S. V. (2012). Konstitutsiya i fundamental’nye zakony v russkom politicheskom disкурse XVIII veka [The Constitution and Fundamental Laws in Russian Political Discourse of the 18th Century]. In Miller, A., Sdvizhkov, D., Shirle, I. (Eds.). “Ponyatiya o Rossii”: K istoricheskoi semantike imperskogo perioda v 2 t. Vol. I. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 94–150.

PSZ [Complete Collection of Laws of the Russian Empire, Prepared by Order of Emperor Nikolai Pavlovich]. (1830). Ed. 1. Vol. 15. S1758 po 28 Iyunya 1762. St Petersburg, Tipografiya vtorogo Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. 1050 p.

Pufendorf, S. (1707). Les devoirs de l’homme et du citoyen, tels qu’ils lui sont prescrits par la loi naturelle. Amsterdam, H. Schelte. XL + 384 p.

Pufendorf, S. (1726). *O dolzhnosti cheloveka i grazhdanina po zakonu estestvennomu* [On the Duty of Man and Citizen According to Natural Law]. St Petersburg, Sankt-Peterburgskaya tipografia. 537 p.

Rustam-Zade, Z. P. (2000). *Zhizn' i tvorchestvo M.M. Shcherbatova* [The Life and Works of M. M. Shcherbatov]. St Petersburg, Leila. 92 p.

Shcherbatov, M. M. (1896). *Sochineniya v 2 t.* [Works. 2 vols.]. Vol. I. Politicheskaya sochineniya. St Petersburg, Tovarishestvo "Pechatnya S. P. Yakovleva". 1060 stlb.

Somov, V. A. (1983). N.-G. Leklerk i M. V. Lomonosov [N.-G. Leclerc and M. V. Lomonosov]. In *Lomonosov: Sbornik statei i materialov*. Vol. 8. Leningrad, Nauka, pp. 97–105.

Somov, V. A. (2002). Krug chteniya peterburgskogo obshchestva v nachale 1760-kh godov (iz istorii biblioteki grafa A. S. Stroganova) [Range of Reading of Petersburg Society in the Early 1760s (from the History of the Library of Count A. S. Stroganov)]. In *XVIII vek*. Vol. 22. St Petersburg, Nauka, pp. 200–234.

Stroev, A. F. (1998). "Te, kto popravlyayet fortunu". *Avantyristy Prosveshcheniya* ["Those Who Correct Fortune". Adventurers of the Enlightenment]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 400 p.

Strube de Piermont, F. H. (1756). *Slovo o nachale i peremenakh rossiiskikh zakonov* [Discourse on the Origins and Changes of Russian Laws]. St Petersburg, Imperatorskaya akademiya nauk. 34 p.

Strube de Piermont, F. H. (1760). *Lettres Russiennes*. St Petersburg, De l'Imprimerie de l'Académie Impériale des sciences. 270 p.

Strube de Piermont, F. H. (2016). Rossiiskiya (ili Ruskie) pis'ma. Na frantsuzskom izdany 1760, a so onago na rossiiskoi yazyk perevedeny 1761 goda [Russian Letters, Published in French in 1760 and Translated into the Russian Language in 1761]. In Bugrov, K. D., Kiselev, M. A. *Estestvennoe pravo i dobrodetel': Integratsiya evropeiskogo vliyaniya v rossiiskuyu politicheskuyu kul'turu XVIII veka*. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, Universitetskoe izdatel'stvo, pp. 342–408.

Turben, [F.]. (1755). Sur la mort de Monsieur le President de Montesquieu. In *Le Caméléon littéraire*. Vol. 4, pp. 875–881.

The article was submitted on 28.02.2017